

А. С. Балахванцев, Л. Т. Яблонский

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ДАТИРОВКЕ НАДПИСЕЙ ИЗ ПРОХОРОВКИ*

Могильник у с. Прохоровка, расположенный на территории современного Шарлыкского района Оренбургской области, на возвышенности, у водораздела рек Салмыш и Сухая Дема, стал эпонимным для сарматской археологии памятником после выхода в свет монографии М.И. Ростовцева¹. Напомним, что в этой книге он опубликовал научный отчет С.И. Руденко о доследовании им курганов, разграбленных местными крестьянами в 1911 г., и, проведя анализ собранных находок, связал памятник с сарматами письменных источников. История ограбления и события, связанные с экспедицией С.И. Руденко, подробно, с использованием архивных материалов описаны в монографии В.Ю. Зуева², что избавляет нас от необходимости излагать ее вновь. В контексте нашей работы важно лишь отметить, что датировка могильника в работах М.И. Ростовцева неоднократно менялась³.

В кургане, обозначенном С.И. Руденко под номером 1, который находился в южной части группы, в его центральном погребении, были найдены, в частности, две серебряные чаши с нанесенными на них двумя пуансонными надписями. Впервые эти надписи были изучены П.К. Коковцовым⁴. На одной из чаш Коковцов «под оболочкой арамейского письма» прочитал иранские слова, которые перевел как «чаша Атромитра». Надпись на другой фиале состояла, по его мнению, из одних лишь «цифровых знаков и аббревиатур», которые обозначали вес чаши. Коковцов также отметил, что «обе надписи писаны тем общеарамейским письмом позднейших времен, наиболее древним представителем которого можно считать надписи на монетах сатрапов последних ахеменидов, а наиболее поздним – пехлевийское письмо двух первых серий так называемых персеполитанских монет (времени аршакидов)». Особое внимание исследователь акцентировал на семитическом стиле написания буквы *алеф* и датировал надписи в пределах III–II вв. до н.э., указывая на затруднительность более точной даты из-за «скудости эпиграфического материала, имеющегося для данной эпохи в распоряжении арамейской палеографии».

К сожалению, на протяжении последующих восьмидесяти лет прохоровские надписи, если не считать глухих ссылок в работах В.Б. Хеннинга⁵ и Д.Н. Мак-

---

* Работа выполнена при поддержке Гранта РГНФ № 05-01-011597а.

¹ *Ростовцев М.И.* Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918. II (МАР. № 37).

² *Зуев В.Ю.* Материалы к истории изучения Прохоровских курганов в Оренбуржье. СПб., 2003.

³ См. *Ростовцев.* Курганные находки... С. 79: III–II вв. до н.э.; *он же.* Скифия и Боспор. Т. I. Л., 1925. С. 611: II–I вв. до н.э.; *Rostovtzeff M.* *Iranians and Greeks in South Russia.* Oxf., 1922. P. 124: IV–III вв. до н.э.

⁴ *Коковцов П.К.* О надписях на серебряных блюдах // *Ростовцев.* Курганные находки... С. 82–83.

⁵ *Henning W.B.* A Sasanian Silver Bowl from Georgia // *BSOAS.* 1961. 24. P. 355. Not. 6.

Кензи⁶, оставались вне поля зрения ведущих отечественных и зарубежных иранистов. И только появление недавних исследований В.А. Лившица⁷ придало изучению данной проблемы новый импульс. Решая вопрос о хронологии надписей на прохоровских фиалах, выполненных, по его мнению, на парфянском языке, В.А. Лившиц исходил из следующих наблюдений. Во-первых, в палеографическом отношении прохоровские надписи близки к ранним парфянским текстам II в. до н.э. – II в. н.э.⁸ Во-вторых, «псевдопадежная» форма *tštu* с конечным -у в надписи на фиале № 1 находит многочисленные параллели в остраках из Старой Нисы, самый ранний из которых датируется 151/150 г. до н.э.⁹ Все это вместе взятое позволило В.А. Лившицу прийти к выводу о сравнительно поздней – в интервале от рубежа II–I вв. до н.э. до I в. н.э. – дате прохоровских надписей¹⁰.

Однако данное мнение представляется нам далеко не бесспорным. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что утверждение В.А. Лившица о парфянском языке прохоровских надписей ничем, по сути, не аргументировано. Попытка же опереться на замечание П.К. Коковцова¹¹, согласно которому форма *алефа* в первой прохоровской надписи позволяет отнести ее ко времени «возникновения древнейшего пехлевийского письма первых веков парфянского господства»¹², не может быть признана удачной, так как парфяне упоминаются им исключительно в хронологическом, а не в языковом плане.

Можно ли прийти к определенному выводу о характере языка первой прохоровской надписи на основе анализа ее синтаксиса, лексики и орфографии? Использованный вид определительной связи – постпозиция определения, выраженного существительным, – скорее говорит против возможности использования здесь одного из восточноиранских языков¹³, чем конкретно свидетельствует в пользу парфянского: в последнем не менее часто применялась и препозиция определения¹⁴. К тому же аналогичные по типу определительные конструкции характерны не только для парфянского, но и для древнеперсидского¹⁵, где они рассматриваются как пример влияния мидийского синтаксиса¹⁶, а также для некоторых современных иранских языков и диалектов северо-западной группы¹⁷.

⁶ MacKenzie D.N. Some Names from Nisa // Переднеазиатский сборник. Вып. IV. М., 1986. Р. 107.

⁷ Лившиц В.А. О датировке надписей на серебряных сосудах из кургана 1 у деревни Прохоровка // Боспорский феномен. Материалы международной научной конференции. СПб., 2001. Ч. 2. С. 160–170; Лившиц В.А., Зуев В.Ю. О датировке парфянских надписей на фиалах из кургана 1 у деревни Прохоровка // ВДИ. 2004. № 2. С. 3–11.

⁸ Лившиц, Зуев. О датировке... С. 8.

⁹ Там же. С. 9.

¹⁰ Там же. С. 10.

¹¹ Там же. С. 7.

¹² Коковцов. О надписях... С. 83.

¹³ См. Эдельман Д.И. Сравнительная грамматика восточноиранских языков: Морфология. Элементы синтаксиса. М., 1990. С. 253.

¹⁴ Дьяконов И.М., Лившиц В.А. Документы из Нисы I в. до н. э. Предварительные итоги работы. М., 1960. С. 42.

¹⁵ Соколов С.Н. Древнеперсидский язык // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 269.

¹⁶ Kent R.G. Old Persian. Grammar, Texts, Lexicon. New Haven, 1950. P. 95.

¹⁷ Дьяконов И.М., Дьяконов М.М., Лившиц В.А. Парфянский архив из древней Нисы // ВДИ. 1953. № 4. С. 121. Прим. 2.

Переходя от синтаксиса к лексике надписи, нужно отметить следующее. Имя владельца чаши – *Ātarmihr* – в парфяньских текстах не встречается. В нисийских остраках зафиксирован лишь суффиксальный дериват этого имени – *Ātarmihrak*¹⁸. Такое же имя – *Ādur-Mihr* – известно и в среднеперсидском¹⁹. Что же касается названия сосуда, то использование аналогичного аппелятива наблюдается в авестийском²⁰, хорезмийском²¹ и среднеперсидском языках²². Следовательно, у нас нет никаких оснований рассматривать личное имя владельца и название сосуда²³ как парфяньские *par excellence*.

Наиболее существенные, хотя и носящие негативный характер, выводы о языке первой прохоровской надписи можно сформулировать на основе анализа ее орфографии. Во-первых, написание имени *Ādur-Mihr* в среднеперсидском²⁴ отличается от того, что мы видим на фиале из Прохоровки. Во-вторых, хотя в северо-западных языках, включая и парфяньский, общеиранское *št обычно переходило в *-št*²⁵, слово «чаша» в парфяньских манихейских текстах представлено как *tāst*²⁶. О влиянии среднеперсидского, в котором общеиранское *št > древнеперсидское *-št* закономерно дает *-st*²⁷, говорить в данном случае не приходится, поскольку в пехлеви слово «чаша» писалось как раз через *-št*. Возможно, что произошедший своеобразный «обмен» между среднеперсидским и парфяньским является еще одним примером столь часто встречающихся в иранских языках перекрестных изоглосс²⁸. Но, как бы то ни было, данные орфографии позволяют утверждать, что язык, на котором была выполнена надпись, вряд ли мог быть среднеперсидским или парфяньским. Принимая во внимание все сказанное выше, можно лишь предположить, что он, скорее всего, принадлежал к группе северо-западных языков.

Но если орфография не может дать нам точного ответа о языке надписи, то, может быть, она способна пролить свет на ее датировку? Напомним, что, согласно мнению В.А. Лившица, «псевдопадежная» форма *tštu* объясняется тем, что существовавшая в парфяньском у существительных в единственном

¹⁸ MacKenzie. *Some Names...* P. 107.

¹⁹ Gignoux Ph. *Noms propres sassanides en moyen-perse épigraphique*. Wien, 1986. P. II/37. 68.

²⁰ Bartolomae Chr. *Altiranisches Wörterbuch*. 2. unveränderte Auflage. B., 1961. Sp. 646.

²¹ Лившиц В.А. Три серебряные чаши из Исаковского могильника № 1 // ВДИ. 2002. № 2. С. 44.

²² MacKenzie D.N. *A Concise Pahlavi Dictionary*. L., 1971. P. 82; Nyberg H.S. *A Manual of Pahlavi*. II. Wiesbaden, 1974. P. 192.

²³ Высказанное в статье В.А. Лившица (О датировке надписей... С. 167) утверждение, будто данное название встречается в парфяньской надписи на фиале из коллекции Мохсена Форуги, не соответствует действительности и было опровергнуто самим автором годом позже (Три серебряные чаши... С. 45. Прим. 7). К сожалению, эта информация по недоразумению вновь воспроизводится в статье 2004 г. (Лившиц, Зуев. О датировке... С. 9).

²⁴ MacKenzie. *Some Names...* P. 107: (*t)wry(mt)ry; Gignoux. *Noms propres...* P. II/37. 68; *twry(mt)ry.

²⁵ Расторгуева В.С. Сравнительно-историческая грамматика западноиранских языков. Фонология. М., 1990. С. 211.

²⁶ Boyce M. *A Word-List of Manichaean Middle Persian and Parthian*. Téhéran-Liège, 1977. P. 86: t'st; Durkin-Meisterernst D. *Dictionary of Manichaean Middle Persian and Parthian*. Vrepols, 2005. P. 322.

²⁷ Расторгуева. Сравнительно-историческая грамматика... С. 135.

²⁸ См. Абаев В.И. О перекрестных изоглоссах // Этимология. 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М., 1968. С. 247–255.

числе древнеиранская шестипадежная система флексий во второй половине III – начале II в. до н.э. редуцировалась в трехпадежную. Затем в первой половине II в. до н.э. категория падежа полностью исчезает, а окончания начинают выписываться нерегулярно как орфографический архаизм²⁹. Таким образом, первая прохоровская надпись не может быть старше второй половины II в. до н.э.

Что можно заметить по данному поводу? Прежде всего, хотя говорить теперь исключительно о парфянском характере языка первой прохоровской надписи не представляется возможным, было бы неверным полностью сбрасывать его со счетов. Однако для правильной оценки выдвинутых В.А. Лившицем аргументов необходимо помнить, что если при характеристике парфянского языка второй половины II – I в. до н.э. мы можем опираться на огромный материал старонисийского архива, то источников по предыдущему периоду (III – первая половина II в. до н.э.) в нашем распоряжении крайне мало. Поэтому уже а priori можно утверждать, что на сегодняшний день любые предположения о состоянии падежной системы в эту эпоху неизбежно будут носить сугубо предварительный характер.

Тем не менее у нас есть определенные данные, позволяющие считать, что в парфянском на среднеиранской стадии его развития омертвление падежных окончаний и превращение последних в орфографические архаизмы произошло в более раннюю эпоху, чем первая половина II в. до н.э. Так, на двух монетных выпусках Аршака I имеется двуязычная легенда, арамейскографичная часть которой читается как *krny*³⁰. В литературе уже давно высказывается мнение, что под арамейской оболочкой скрывается иранское слово «каран»³¹. Данный термин в греческой транслитерации сохранился у античных авторов (Xen. Hell. I. 4. 3; Et. Gud. 378), которые переводили его как «κύριος» или «δεσπότης», т.е. «господин, владыка». В пользу правильности именно такого понимания этого термина говорит и то обстоятельство, что в монетных легендах Аршака I арамейскографичное *krny* соответствует греческому ΑΥΤΟΚΡΑΤΟΡΟΣ³². Очевидно, что данное слово является патронимическим титулом и совпадает с известным из табличек «крепостной стены» именем Karāna³³, которое представляет собой образованный при помощи суффикса *-āna древнеиранский патронимик от *kāga- (или *kāra-) – «народ, войско»³⁴.

Чем вызвано появление конечного -у в слове *krny*? Один из авторов статьи обратился к В.А. Лившицу с вопросом: можно ли считать данный формант одним из «паразитических» окончаний, многочисленные примеры употребления

²⁹ Лившиц, Зуев. О датировке... С. 9.

³⁰ Sellwood D.G. An Introduction in the Coinage of Parthia. L., 1980. P. 23/3, 24/4.

³¹ Bivar A.D.H. A Satrap of Cyrus the Younger // NC⁷. 1961. Vol. 1. P. 123. Not. 5; Sellwood D.G. Parthian Coins // CHIr. Vol. III. 1983. P. 280; Alram M. Nomina propria iranica in nummis. Wien, 1986. S. 122. Anm. 482; Koch H. Heimat und Stammvater der Arsakiden // AMI. 1993. Bd 26. S. 171; Bernard P. L'Asie Centrale et l'Empire Seleucide // Topoi. Orient–Occident. 1994. T. 4(2). P. 500. Not. 3.

³² Sellwood. An Introduction... P. 21/1, 22/2.

³³ Hallock R.T. Persepolis Fortification Tablets. Chicago, 1969. P. 710a.

³⁴ См. Gershevitch I. Amber at Persepolis // Studia Classica et Orientalia A. Pagliaro oblat. Roma, 1969. Vol. II. P. 200; Mayrhofer M. Onomastica Persepolitana. Wien, 1973. S. 177. Последний, правда, полагает, что за *krny* может скрываться имя Karina. О сопоставлении двух этих имен см. Justi F. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895. S. 157; Hallock. Persepolis... P. 710. Следует обратить внимание и на упоминаемое Э.А. Грантовским (Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970. С. 267) имя *Kāraaka- – «глава народа, войска».

которых дают нам нисийские остраки и парфянские варианты сасанидских надписей. В.А. Лившиц любезно сообщил нам, что не исключает такой возможности³⁵.

В связи с вышеизложенным огромную важность приобретает вопрос о том, как датировать эти монеты. В науке долгое время вообще отвергалась возможность того, что парфянская чеканка возникла уже при Аршаке I³⁶. И только введение в научный оборот буджнурдского клада³⁷ поставило точку в этой дискуссии: монеты с двуязычной легендой были прочно атрибутированы Аршаку I и стали датироваться временем его правления³⁸. Однако, как нам уже приходилось отмечать³⁹, период выпуска Аршаком I своих монет был значительно короче, чем это обычно принято думать. Он начался только в 217 г. до н.э., когда под влиянием поражения Антиоха III в битве при Рафии Аршак I отложился от державы Селевкидов и в знак своей полной независимости приступил к монетной чеканке, и продолжался до его смерти ок. 214 г. до н.э.⁴⁰

Естественно, что между возникновением в языке того или иного явления и его фиксацией в письменной форме проходит промежуток времени, о продолжительности которого остается лишь гадать. Тем не менее ясно, что в парфянском языке превращение флексии в орфографический архаизм произошло уже в III в. до н.э.

Однако «паразитический» конечный -у вовсе не является исключительной монополией парфянского языка. Так, в выполненных на среднеперсидском языке монетных легендах правителя Парса Ардашира I (первая половина II в. до н.э.) его имя воспроизводилось то с конечным -у⁴¹, то без этого форманта⁴². Аналогичное явление наблюдается и в более раннюю эпоху. В надписи Ашоки Лагман II (50-е годы III в. до н.э.) иранское слово *māh* (месяц) представлено без конечного -у⁴³, а в надписи на гробнице Дария I из Накш-и Рустема⁴⁴ псев-

³⁵ Личное сообщение В.А. Лившица от 4 ноября 2004 г.

³⁶ Историю вопроса см. *Кошеленко Г.А.* Некоторые вопросы истории ранней Парфии // ВДИ. 1968. № 1. С. 53–68.

³⁷ *Abgarians M.T., Sellwood D.G.* A Hoard of Early Parthian Drachms // NC⁷. 1971. Vol. 11. P. 103–118.

³⁸ *Sellwood.* An Introduction... P. 20: 238–211 гг. до н.э.; *Afram. Nomina...* S. 123: 238–217/14 гг. до н.э.

³⁹ *Балаханцев А.С.* Селевк II Каллиник и Парфия // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 215.

⁴⁰ См. *Wolski J.* Arsace II et la généalogie des premiers Arsacides // *Historia.* 1962. Bd XI. P. 145; *Le Rider G.* Suse sous les Séleucides et les Parthes. P., 1965. P. 300. Not. 8.

⁴¹ *Afram. Nomina...* S. 166: 'rthštry.

⁴² *Balcer J.M.* Parthian and Sasanian Coins and Burials (1976) // *Iran.* 1978. Vol. 16. P. 88: 'rthštr.

⁴³ *Davary D.G., Humbach H.* Eine weitere aramäo-iranische Inschrift der Periode des Aśoka aus Afghanistan. Mainz, 1974. S. 9–10: m'h.

⁴⁴ Следует заметить, что, начиная с В.Б. Хеннинга, эту надпись датировали либо первой половиной III в. до н.э. (*Henning W.B.* *Mitteliranisch* // *Handbuch der Orientalistik.* Abt. I. Bd IV. Abs. 1. Leiden–Köln, 1958. S. 24; *Greenfield J.C.* Aramaic in the Achaemenian Empire // *CHIr.* Vol. II. 1985. P. 712), либо концом IV в. до н.э. (*Altheim F., Stiehl R.* *Die aramäische Sprache unter den Achaimeniden.* Lief. 1–3. Frankfurt am Main, 1961–1962. S. 11; *Лившиц В.А., Шифман И.Ш.* К толкованию новых арамейских надписей Ашоки // ВДИ. 1977. № 2. С. 24). В настоящее время наиболее обоснованной кажется датировка, принадлежащая Р. Фраю, согласно которому надпись относится к правлению Артаксеркса II или его сына Артаксеркса III. См. *Frye R.N.* *The «Aramaic» Inscription on the Tomb of Darius* // *IA.* 1982. Vol. XVII. P. 90.

допадежное окончание в нем присутствует⁴⁵. Данные факты свидетельствуют в пользу справедливости мнения И.М. Дьяконова об интенсивном процессе отмирания флексий, происходившем в древнеперсидском языке уже с конца V в. до н.э.⁴⁶ Если же ко всему сказанному выше прибавить то, что в разных иранских языках исчезновение падежной системы шло с различной степенью интенсивности⁴⁷, то становится ясным, что датировка надписи, основанная на присутствии в ней «паразитического -у», будет слишком широкой. Так, форма *īštu* по этому признаку может датироваться по меньшей мере со второй половины IV в. до н.э. по III в. н.э.

Что же касается второй прохоровской надписи, то прежде чем высказывать предположение об использованном здесь языке, следует уточнить ее перевод. В.А. Лившиц читает надпись следующим образом: *k 5 s 2 ZWZ' 1* — «5 к<аршей>, 2 с<атера>, 1 драхма»⁴⁸. Казалось бы, такое понимание текста является безупречным: аббревиатура *k* еще в арамейских папирусах V в. до н.э. обозначала карш⁴⁹, *s* (в чем согласны все исследователи) соответствовала статеру⁵⁰, а за *ZWZ* скрывается драхма⁵¹. Однако в таком случае вторая прохоровская фиала должна весить 453.85 г.⁵² В действительности ее вес составляет 436 г. Вряд ли можно списать пропавшие 18 г на три пары отверстий, проделанных новыми хозяевами чаши при превращении ее в фалар. Но если вместо статера (16.5 г), мы введем в наши вычисления сикль (8.33 г), то рассчитанный вес фиалы (437.51 г)⁵³ практически полностью совпадет с реальным. Разумеется, для обозначения «сикля» применялась аббревиатура *š*, а вовсе не *s*⁵⁴, однако ошибки в написании этого слова нередки и встречаются даже в пределах одного и того же текста⁵⁵.

К сожалению, основываясь на имеющихся у нас данных, о языке второй прохоровской надписи нельзя сказать ничего определенного. Во всяком случае ничто не мешает нам считать его арамейским. Но даже если язык надписи

⁴⁵ Frye. The «Aramaic» Inscription... P. 89; m'hy.

⁴⁶ Дьяконов И.М. История Мидии. М.—Л., 1956. С. 369. См. также Kent. Old Persian... P. 24; Соколов. Древнеперсидский язык. С. 255.

⁴⁷ Оранский И.М. Иранские языки в историческом освещении. М., 1979. С. 102.

⁴⁸ Лившиц, Зуев. О датировке... С. 10.

⁴⁹ Cowley A. Aramaic Papyri of the Fifth Century B.C. Oxf., 1923. № 22:123; 36b; 42:9; Винников И.Н. Словарь арамейских надписей // ПС. 1962. Вып. 9. С. 141.

⁵⁰ См. Henning. A Sasanian Silver Bowl... P. 354; Frye R.N. Sasanian Numbers and Silver Weights // JRAS. 1973. № 1. P. 2; Skjærvø P.O., Harper P.O. The Earliest Datable Inscription on a Sasanian Bowl. Two Silver Bowls in the J. Paul Getty Museum // BAI. N.S. 1993. Vol. 7. P. 188; Brunner C.J. Middle Persian Inscriptions on Sasanian Silverware // Metropolitan Museum Journal. 1994. Vol. 9. P. 110, 120.

⁵¹ Bivar A.D.H. Achaemenid Coins, Weights and Measures // CHIr. Vol. II. 1985. P. 636. А. Коули (Aramaic Papyri... P. 198) полагал, что *ZWZ* едва соответствует четверти шекеля, однако поскольку в папирусе 81 одна из денежных сумм составляет 24 *ZWZN* и 1 «четвертак», его мнение не может быть принято.

⁵² Приводимая в статье 2004 г. (Лившиц, Зуев. О датировке... С. 11) цифра 425 г является, безусловно, ошибочной.

⁵³ Следует подчеркнуть, что примерно такой вес — 436 г — фигурирует в одном из подсчетов П.К. Коковцева. См. Лившиц, Зуев. О датировке... С. 3.

⁵⁴ Винников И.Н. Словарь арамейских надписей // ПС. 1965. Вып. 13. С. 241.

⁵⁵ См. Cowley. Aramaic Papyri... P. 30, 31; Kraeling E.G. The Brooklyn Museum Aramaic Papyri. New Documents of the Fifth Century B.C. from the Jewish Colony at Elephantine. New Haven, 1953. P. 148.

действительно является парфянским⁵⁶, то это вряд ли может служить основанием для омолаживания данного памятника: наличие исторических написаний, о которых шла речь выше, свидетельствует против того, что парфянская письменность возникла только во второй половине III в. до н.э.⁵⁷ Как отмечал в свое время И.М. Дьяконов, если орфография передает более древнее состояние языка, то это значит, что она сложилась гораздо раньше⁵⁸.

Переходя к анализу палеографических аргументов и обратившись к материалу, суммированному в составленной В.А. Лившицем таблице⁵⁹, можно без труда обнаружить, что в ней абсолютно не отражена арамейская палеография IV – первой половины II в. до н.э. Этот, если воспользоваться столь любезным В.Ю. Зуеву термином, хиатус в значительной степени подрывает палеографическую составляющую вывода о достаточно поздней дате нанесения надписей на прохоровские фиалы. Заявление же В.А. Лившица о возникновении парфянской письменности только во второй половине III в. до н.э. не является достаточным основанием для того, чтобы отказываться от анализа палеографии надписей более ранней эпохи. Во-первых, как мы уже показали выше, арамейскографические записи слов на парфянском языке должны были появиться еще до возникновения державы Аршакидов, да и вероятность того, что язык первой прохоровской надписи – парфянский, ничтожна мала. Во-вторых, арамейская графика стала использоваться для записи отдельных иранских слов и выражений уже в V в. до н.э.⁶⁰, а в IV в. до н.э. появляются и целые арамейскографические тексты на иранском языке: уже упоминавшаяся надпись из Накш-и Рустема и так называемое «письмо Оронта»⁶¹. В-третьих, поскольку при палеографическом анализе арамейскографических памятников главную роль играет не их язык, а начертания букв, то следует учитывать палеографию и тех надписей, которые выполнены и не на иранских языках.

При обсуждении палеографии собственно прохоровских надписей необходимо иметь в виду, что для установления хронологии эпиграфических памятников, выполненных арамейским письмом, наиболее важны формы букв *алеф*, *самех* и *пэ*⁶². Поскольку последней буквы в прохоровских надписях нет⁶³, а *самех* присутствует только во второй, начать лучше всего с *алефа*. Лапидарная

⁵⁶ В среднеперсидском для слова «драхма» использовалась гетерограмма ZWZN. См. *Henning. A Sasanian Silver Bowl...* P. 353; *Gignoux Ph. Coupes inscrites de la collection Mohsen Foroughi // Monumentum N.S. Nyberg. I. Leiden, 1975. P. 271/3, 274/8.*

⁵⁷ *Лившиц, Зуев. О датировке...* С. 8.

⁵⁸ *Дьяконов. История Мидии.* С. 369.

⁵⁹ *Лившиц, Зуев. О датировке...* С. 5.

⁶⁰ *Дьяконов И.М. О гетерографии и ее месте в истории развития письма // Переднеазиатский сборник. Вып. IV. М., 1986. С. 14.*

⁶¹ Данное письмо, будто бы отправленное сатрапом Армении Оронтом своему другу Певкесту, на самом деле было сфабриковано Эвменом. Если учесть, что оно было написано «сирийскими буквами» (*Diod. XIX. 23. 3*), а Певкест стал единственным из приближенных Александра, выучившим персидский язык (*Arr. Anab. VI. 30. 3; VII. 6. 3*), то, несмотря на возражения Г.А. Тирация (*Tiratsian G.A. Some Aspects of the Inner Organisation of the Armenian Satrapy // AAASH. 1981. T. 29. P. 159–161*), этот документ следует отнести к числу арамейскографических иранских памятников.

⁶² *Лившиц, Зуев. О датировке...* С. 8. Ср. *Skjærvø P.O. The Joy of the Cup. A Pre-Sasanian Middle Persian Inscription on a Silver Bowl // BAI. N.S. Vol. 11. 1997 (2000). P. 95.*

⁶³ Отсутствие *пэ* особенно затрудняет проведение палеографического анализа. См. *Лившиц В.А. Парфянский алфавит // Основы иранского языкознания. Среднеиранские языки. М., 1981. С. 154.*

форма *алефа*, аналогичная той, которая представлена на первом сосуде, встречается в надписях из Сари и Хасан-кефа (конец III – начало II в. до н.э.)⁶⁴, в зангезурской надписи Арташеса I (ок. 188–160 гг. до н.э.)⁶⁵, в надписи Митридата I из Хунг-и Ноурузи (ок. 140 г. до н.э.)⁶⁶, на монетах правителя Парса Ардашира II (вторая половина I в. до н.э.)⁶⁷, экбатанских драхмах царя Парфии Митридата IV⁶⁸ (ок. 130–147 гг. н.э.)⁶⁹ и монетах царя Элимаиды Орода II (первая половина II в. н.э.)⁷⁰, в надписи на статуе Геракла из Селевкии-на-Тигре (150/151 г. н.э.)⁷¹, в надписи из Дура-Европос (начало III в. н.э.)⁷² и в легендах сасанидских монет III⁷³ и даже V в. н.э.⁷⁴

Как видно из приведенных выше примеров, форма *алефа* из надписи на фиале № 1 не фиксируется в эпиграфике ранее 200 г. до н.э. Но следует ли на этом основании датировать саму надпись непременно более поздним периодом? Мы склонны ответить на этот вопрос отрицательно, и вот почему. Во-первых, в IV в. до н.э. правая наклонная гаста у лапидарного *алефа* начинает сдвигаться вправо от левой вертикальной черты⁷⁵, а затем левая вертикаль укорачивается настолько, что – как и у *алефа* в первой прохоровской надписи – уже не опускается ниже горизонтальной гасты. Такая же особенность в написании *алефа* отмечается в надписях из Пул-и Дарунта⁷⁶ и Закавказья (Иберия, Армения)⁷⁷, которые отстоят друг от друга на тысячи километров. Есте-

⁶⁴ См. *Pognon H. Inscriptions sémitiques de la Syrie, la Mésopotamie et de la région de Mossoul. P., 1907. P. 112, 115; Периханян А.Г. Арамейская надпись из Гарни // ИФЖ. 1964. № 3. С. 127.*

⁶⁵ *Периханян А.Г. Арамейская надпись из Зангезура // ИФЖ. 1965. № 4. С. 111. Рис. 1–2.*

⁶⁶ См. *Harmatta J. Parthia and Elymais in the 2nd Century B.C. // AAASH. 1981. Т. 29. P. 200–201. Fig. 13–14.* Автор, отмечая плохую общую сохранность надписи, тем не менее подчеркивает, что *алеф* читается достаточно ясно.

⁶⁷ *Alram. Nomina... S. 173. Taf. 19, 568–578.*

⁶⁸ Его теперь, после появления в списке парфянских царей одноименного сына и наследника Митридата II (*Simonetta A.M. A Proposed Revision of the Attributions of the Parthian Coins Struck during the So-called 'Dark Age' and its Historical Significance // EW. 2001. Vol. 51. P. 78–79*), следует считать Митридатом V.

⁶⁹ *Sellwood. An Introduction... P. 264; Alram. Nomina... S. 131. Taf. 13, 416.*

⁷⁰ *Alram. Nomina... S. 149. Taf. 16, 478.* В.Б. Хеннинг (*Henning W.B. The Monuments and Inscriptions of Tang-i Sarvak // Asia Major. 1952. P. 166. Not. 1*) определил язык монетных легенд как парфянский.

⁷¹ *Pennacchiotti F.A. L'iscrizione bilingue greco-partica dell'Eracle di Seleucia // Mesopotamia. 1987. Vol. 22. P. 173. Fig. B.*

⁷² *Delaunay J.A. L'araméen d'empire et les débuts de l'écriture en Asie centrale // Commémoration Cyrus. Hommage universel. II. Téhéran–Liège, 1974. Pl. XI. Fig. 26.*

⁷³ *Ibid. Pl. XIII. Fig. 29.*

⁷⁴ *Malek H.M. A Fifth Century Hoard of Sasanian Drachms (A.D. 399–460) // Iran. 1995. Vol. 33. P. 73. Tabl. I.*

⁷⁵ См. *Naveh J. The Development of the Aramaic Script. Jerusalem, 1970. P. 53, 57–58.*

⁷⁶ *Benveniste É., Dupont-Sommer A. Une inscription indo-araméenne d'Asoka provenant de Kandahar (Afghanistan) // JA. 1966. Т. 254. Fig. 2.*

⁷⁷ *Гагосшидзе Ю.М., Цоцелия М.В. Костяные пластинки с арамейскими надписями из Дедоплис-гора // Проблемы истории Закавказья. Тбилиси, 1991. С. 47–78 (на груз. яз.); Gagoshidze I. A Royal Palace in First-Century Iberia // The Royal Palace Institution in the First Millennium BC. Athens, 2001. P. 268; Караханян Г. Две новонайденные арамейские надписи // ИФЖ. 1971. № 3. С. 274–276 (на арм. яз.). Иберийские надписи датируются со II в. до н.э., а армянские принадлежат Арташесу I. Следует подчеркнуть, что *алеф* закавказских надписей испытал явное влияние курсива, выразившееся в изогнутости горизонтальных и вертикальных гаст.*

ственно объяснить возникновение этой новой черты в палеографии *алефа* наличием общего источника и отнести ее возникновение к периоду, когда территории нынешнего Афганистана и Закавказья входили в состав одного государства – державы Ахеменидов. Следовательно, мы вправе предположить, что данная форма лапидарного *алефа* появилась уже в конце ахеменидской эпохи.

Во-вторых, как в свое время отмечал Ю.Г. Виноградов⁷⁸, датировка любого эпиграфического источника является обоснованной лишь в том случае, если палеографический анализ основывается на изучении эволюции как можно большего числа букв, не упускает из виду всей совокупности шрифта надписи и учитывает особенности развития эпиграфики того региона, откуда происходит сам памятник. Соблюдение последнего условия особенно необходимо при анализе арамейскографических надписей послеахеменидского времени, когда на основе прежде единого имперско-арамейского письма в различных областях бывшей империи стали складываться местные среднеиранские письменности со своими особенностями как в графике, так и в отборе арамейских форм для идеограмм⁷⁹. Если же выполнить данные условия невозможно и исследователь пытается датировать надпись всего лишь по одной или даже нескольким буквам, формы которых пребывали неизменными в течение столетий, то ему легко ошибиться. Так, если бы в надписях Ашоки из Таксилы⁸⁰ и Пул-и Дарунта не сохранилось имя царя, то по палеографии первый памятник вполне можно было отнести к V в. до н.э., а второй – к IV в. до н.э.⁸¹

Все вышесказанное позволяет, на наш взгляд, прийти к выводу, что при сегодняшнем уровне наших знаний датировать – хотя бы в пределах одного столетия – первую прохоровскую надпись по палеографическим данным не представляется возможным. К сожалению, данная ситуация в изучении арамейскографических надписей является достаточно типичной⁸². Вместе с тем следует заметить, что наблюдения над формой *алефа* из надписи на фиале № 1 позволяют выдвинуть определенные предположения относительно места изготовления самой чаши. *Алеф* подобной формы не характерен для территорий, расположенных восточнее Каспийских ворот⁸³, но зато постоянно встречается в Армении, Месопотамии и прилегающих к ней областях Ирана: Мидии, Элимаиде и Парсе. Учитывая сделанное нами выше предположение о принадлежно-

⁷⁸ См. Виноградов Ю.Г. Синопа и Ольвия в V в. до н. э. Проблема политического устройства // ВДИ. 1981. № 2. С. 72.

⁷⁹ См. Борисов А.Я. Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении // ВДИ. 1946. № 2. С. 98–99; Лившиц. Три серебряные чаши... С. 48.

⁸⁰ См. Humbach H. The Aramaic Aśoka Inscription from Taxila // German Scholars on India. Vol. II. New Delhi, 1976. P. 118–130.

⁸¹ См. Naveh. The Development... P. 51.

⁸² См., например: Delaunay J.A. A propos des Aramaic Ritual Texts from Persepolis de R.A. Bowman // Commémoration Cyrus... P. 195; Gignoux. Coupes inscrites... P. 509.

⁸³ Насколько мы можем судить, его нет в позднеахеменидской Бактрии (*Shaked S. Le satrape de Bactriane et son gouverneur. Documents araméens du IVe s. avant notre ère provenant de Bactriane. P., 2004. P. 53. Fig. 2*), Кумисе (*Bivar A.D.H. The Second Parthian Ostrakon from Qūmis // Iran. 1981. Vol. 19. P. 81–84. Pl. Ia*) и Коша-депе (*Лившиц В.А. Парфянские остраки из Коша-депе // СА. 1980. № 4. С. 232–243*), он очень редко встречается в Нисе (*Дьяконов И.М., Лившиц В.А. Новые находки документов в Старой Нисе // Переднеазиатский сборник. Вып. II. М., 1966. Табл. IXa; Livshits V.A., Pilipko V.N. Parthian Ostraca from the Central Building Complex of Old Nisa // Ancient Civilizations. [2004]. 10, 1–2. P. 167. Fig. 10*), причем так же, как в Иберии, несет отпечаток явного влияния курсива.

Рис. 1. Надпись на фиале № 2 из Прохоровки. Фото

сти языка надписи к северо-западной группе, Мидия, которая славилась своей торовтикой еще во времена Дария I⁸⁴, выглядит наиболее предпочтительным вариантом.

Что же касается второй прохоровской надписи, то сначала ее палеографическому анализу препятствовало качество имевшейся в нашем распоряжении фотографии. Дело в том, что хотя В.Ю. Зуев еще в 1997 г. сфотографировал и эстампировал данную надпись, но в совместной с В.А. Лившицем статье почему-то было воспроизведено фото А.В. Попова, сделанное в 1916 г.⁸⁵ Правда, В.Ю. Зуев именует эту фотографию «весьма четкой»⁸⁶, но на самом деле его утверждение далеко от истины: стоящий в конце надписи *алеф* виден очень плохо. Поэтому возникла необходимость сделать новую фотографию надписи на втором прохоровском фиале (рис. 1), которая и публикуется нами вместе с прорисовкой (рис. 2)⁸⁷.

Курсивная форма *алефа* второй прохоровской надписи начинает употребляться еще в конце V в. до н.э.⁸⁸ и активно используется на протяжении всего IV в. до н.э.⁸⁹ Кроме этого, она несколько раз встречается в найденных в Афганистане арамейских надписях Ашоки⁹⁰ и на происходящем с территории

⁸⁴ Луконин В.Г. Искусство древнего Ирана. М., 1977. С. 30.

⁸⁵ Лившиц, Зуев. О датировке... С. 11. Рис. 4.

⁸⁶ Там же. С. 7.

⁸⁷ Мы считаем своим долгом выразить глубокую благодарность сотруднику Оренбургского областного краеведческого музея В.Е. Трегубову и сотруднику Оренбургского государственного педагогического университета Л.А. Краевой за содействие в получении фотографии надписи.

⁸⁸ Clay A.T. Business Documents of Murashû Sons of Nippur Dated in the Reign of Darius II (424–404 B.C.). Philadelphia, 1904. P. 74.

⁸⁹ Naveh. The Development... P. 46.

⁹⁰ Filliozat J. Graeco-Aramaic Inscription of Asoka Near Kandahar // Epigraphia Indica. 1961–1962. Vol. XXXIV. P. 1–8. Pl. I; Benveniste, Dupont-Sommer. Une inscription... Fig. 2.

Рис. 2. Надпись на фиале № 2 из Прохоровки. Прорисовка

Ближнего Востока рельефе жреца Филоты (250–150 гг. до н.э.)⁹¹. Что же касается курсивного *самеха*, то он имеет типичную имперско-арамейскую форму, характерную для V–III вв. до н.э. и исчезающую в более позднее время⁹². Все эти факты, разумеется, никак не могут свидетельствовать в пользу необходимости датировать вторую прохоровскую надпись периодом начиная с конца II в. до н.э.

В целом ни языковые, ни палеографические особенности прохоровских надписей не препятствуют отнесению их к последней трети IV–III в. до н.э. Более того, имеющиеся в нашем распоряжении факты свидетельствуют как раз в пользу более ранней даты. Так, относительно первой прохоровской надписи можно заметить, что в ней, во-первых, нет арамейских гетерограмм, а это позволяет сблизить данный памятник с надписью из Накш-и Рустема. Во-вторых, формуляр первой прохоровской надписи – название сосуда и имя владельца – не имеет ничего общего с тем, что мы видим на произведениях торевтики более поздней эпохи⁹³. Что же касается второй прохоровской надписи, то палеографические и метрологические⁹⁴ данные не позволяют отнести ее к периоду позже III в. до н.э. Однако всего этого все-таки недостаточно для того, чтобы датировать прохоровские надписи с необходимой точностью.

Поэтому логичным представляется вывод о том, что датировка фиал и надписей на них нуждается в уточнении с использованием данных археологии. Попытка датировать комплекс находок из центрального погребения кургана 1 уже предпринималась в серии работ В.Ю. Зуева, но наиболее последовательно его точка зрения по этому поводу была изложена в развернутой статье, опубликованной в 2000 г.⁹⁵ Эта точка зрения состоит в том, что курганы 1 и 2 Прохоровки («южная группа» по Зуеву), «датируются концом II – рубежом II–I вв. до н.э. (с возможным омоложением даты до первых десятилетий I в. до н.э.)»⁹⁶.

⁹¹ *Bordreuil P., Gatier P.-L. Le relief du prêtre Philôtas // Syria. 1990. Т. 67. P. 333. Fig. 3.*

⁹² *Naveh. The Development... P. 28, 48; Лившиц, Зуев. О датировке... С. 5.*

⁹³ *Лившиц В.А., Луконин В.Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // ВДИ. 1964. № 3. С. 157, 161–176; Gignoux. Coupes inscrites... P. 270–276; Gunter A.C., Jett P. Ancient Iranian Metalwork in the Arthur M. Sackler Gallery and The Freer Gallery of Art. Washington, 1992. P. 98, 143, 191–192, 195; Pfrommer M. Metalwork from the Hellenized East. Malibu, 1993. P. 112, 134, 136, 138, 142, 186, 190; Skjærø. The Joy... P. 93; Лившиц. Три серебряные чаши... С. 44, 53, 54.*

⁹⁴ Сочетание каршей, сиклей и драхмы характерно для конца ахеменидской и начала эллинистической эпохи. См. *Cowley. Aramaic Papyri... P. 196; Kraeling. The Brooklyn Museum... P. 39.*

⁹⁵ *Зуев В.Ю. Проблемы хронологии прохоровской культуры и курганы у деревни Прохоровка // СΥΣΣΤΙΓΙΑ. СПб., 2000. С. 304–330.*

⁹⁶ Там же. С. 327.

Отвлекаясь сейчас от далеко идущих выводов петербургского исследователя об отсутствии погребений, которые можно датировать III в. до н.э. не только в Прохоровском могильнике, но и во всем Волго-Уральском регионе⁹⁷, обратимся вновь к сопровождающему инвентарю из погребения 1 кургана 1.

При ограблении кургана в 1911 г. здесь были найдены, помимо фиал, железная кираса-торакас, медная, обложенная золотом гривна с зооморфными окончаниями, деревянные ножны кинжала, обложенные золотыми пластинами, бронзовый браслет, длинный железный меч, железные черешковые наконечники стрел, бронзовое дисковидное зеркало.

Недавно группа авторов⁹⁸ проанализировала эти находки с точки зрения их хронологической атрибуции. Было установлено, в частности, следующее. Железная кираса так называемого мускульного типа⁹⁹ имеет полную аналогию в погребении 4 кургана 4 V Бердянского могильника, который авторы раскопок¹⁰⁰ датировали в пределах III в. до н.э. Комплекс инвентаря из этого погребения, в свою очередь, находит близкие аналогии в другом южноуральском памятнике – в кургане 10 Переволочанского могильника, датированного второй половиной – концом IV в. до н.э.¹⁰¹ Эти аналогии не исключают для Бердянского погребения и IV в. до н.э. В античном мире железные кирасы мускульного типа существовали по меньшей мере с третьей четверти IV в. до н.э.¹⁰² Фрагмент нагрудной части торакаса с Кампыр-тепе, по мнению Б.А. Литвинского аналогичного прохоровскому и бердянскому, стратиграфически относится ко времени не позже III – первой половины II в. до н.э., а может быть, и более раннему¹⁰³. Кирасу из Продроми, которую В.Ю. Зуев приводит в качестве аналогии прохоровской¹⁰⁴, ее публикатор датировал третьей четвертью IV в. до н.э.¹⁰⁵ Другие исследователи предлагают несколько более поздние даты, не выходящие при этом за первую половину III в. до н.э.¹⁰⁶

---

⁹⁷ Критику его концепции см. *Клепиков В.М.* Сарматы Нижнего Поволжья в IV–III вв. до н.э. Волгоград, 2002; *Клепиков В.М., Скрипкин А.С., Мошкова М.Г.* Об одной попытке модернизации сарматской периодизации // РА. 2002. № 1; *Федоров В.К.* О датировке Прохоровских курганов // XV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов Международной научной конференции 17–21 апреля 2001 г. Оренбург, 2001; *Яблонский Л.Т., Мецераков Д.В.* Основные результаты археологического исследования могильника у деревни Прохоровка // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.

⁹⁸ *Мецераков Д.В., Федоров В.К., Яблонский Л.Т.* Старая коллекция находок из Прохоровки в свете новейших археологических исследований // РА. 2006. № 1.

⁹⁹ *Ростовцев.* Курганные находки... Рис. 15–16.

¹⁰⁰ *Моргунова Н.Л., Мецераков Д.В.* «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника // АПО. Вып. III. Оренбург, 1999. С. 125–127.

¹⁰¹ *Пшеничнюк А.Х.* Переволочанский могильник // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995. С. 62–96.

¹⁰² *Литвинский Б.А.* Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2. Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. М., 2001. С. 310.

¹⁰³ Там же. С. 343–344.

¹⁰⁴ *Зуев.* Проблемы... С. 312. Табл. II, 2.

¹⁰⁵ *Choremis A.* Metallic Armour from Tomb at Prodromi in Phesprotia // Athens Annals of Archaeology. 1980. Т. XIII. P. 15–16, 18.

¹⁰⁶ *Dintsis P.* Hellenistische Helme. Bd 1. Roma, 1986. S. 276: конец IV – начало III в. до н.э.; *Виноградов Ю.А.* О погребении воина у Карантинного шоссе под Керчью // STRATUM+ Петербургский археологический вестник. СПб.–Кишинев, 1997. С. 76: первая треть III в. до н.э.

По поводу деревянных ножен с золотыми обкладками¹⁰⁷ следует вспомнить мнение М.И. Ростовцева, который называл мечи и ножны, украшенные золотом, «прямыми потомками старых иранских акинаков»¹⁰⁸. Мечи и кинжалы «переходного» типа, декорированные золотом, известны, в частности, по раскопкам той же Филипповки¹⁰⁹. Полную аналогию узорам с прохоровских ножен представляют золотые подвески из погребения 5 кургана 4 V Бердянско-го могильника. Это одно из погребений, которые датируются временем не позднее III в. до н.э.¹¹⁰

Головы животных, изображенные на концах гривны из 1-го Прохоровского кургана¹¹¹, имеют значительное сходство с изображениями голов на бердянских браслетах¹¹². Близкая аналогия таким изображениям обнаруживается в Сибирской коллекции Петра I – это шарнирная, состоящая из трех полых золотых трубок гривна¹¹³. Сейчас Санкт-Петербургскими специалистами эта находка датируется V–IV вв. до н.э.¹¹⁴

Серебряные фиалы-фалары имеют многочисленные аналогии, происходящие с территорий бывшей Ахеменидской державы. Хотя Абка и-Хавари датирует прохоровские фиалы в пределах III–II вв. до н.э.¹¹⁵, согласиться с этим мнением нельзя, так как иранский исследователь основывается на «их плоской, почти тарелкообразной форме», чего в действительности нет. Между тем уже Г. Лушей относил фиалы к рубежу IV–III вв. до н.э.¹¹⁶ Наконец, М.Ю. Трейстер недавно убедительно показал, что фиала № 1 может датироваться даже второй половиной V в. до н.э., а фиала № 2 – второй половиной IV в. до н.э.¹¹⁷

Наиболее «поздними» элементами сопровождающего инвентаря в погребении 1 Прохоровского могильника можно было бы считать железные трехлопастные черешковые наконечники стрел. Такие наконечники традиционно не датируют обычно временем ранее III–II вв. до н.э. Однако аналогичные наконечники встречаются уже в кургане 2 могильника Урнек (конец V – IV в. до н.э.)¹¹⁸. Встречаются они и в погребении 2 кургана 25 могильника Лебедевка VI, которое относится к IV в. до н.э.¹¹⁹ В погребении 3 кургана «Б» Прохоровского мо-

¹⁰⁷ Ростовцев. Курганные находки... Табл. III, 1.

¹⁰⁸ Там же. С. 51.

¹⁰⁹ Золотые олени Евразии. СПб., 2001. Кат. № 6, 121, 136.

¹¹⁰ Моргунова, Мещеряков. «Прохоровские» погребения... Рис. 11, 1.

¹¹¹ Ростовцев. Курганные находки... Табл. II, 1.

¹¹² Моргунова, Мещеряков. «Прохоровские» погребения... Рис. 11, 4.

¹¹³ Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I // САИ. Вып. ДЗ-9. М.–Л., 1962. С. 46. Табл. XVIII, 8.

¹¹⁴ The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes. N.Y., 2000. P. 285–286. №. 208. Мнения специалистов в области искусства звериного стиля по поводу датировки прохоровской гривны см. подробнее: Мещеряков, Федоров, Яблонский. Старая коллекция... С. 112.

¹¹⁵ Abka 'I-Khavari M. Die achämenidischen Metallschalen // AMI. 1988. Bd 21. S. 107.

¹¹⁶ Lushey H. Die Phiale. Bleicherode am Harz, 1939. S. 54.

¹¹⁷ Трейстер М.Ю. Произведения торевтики ахеменидского стиля и на «ахеменидскую тему» в сарматских погребениях Прохоровского и Филипповского курганных могильников в Южном Приуралье // Ранние кочевники Волго-Уральского региона. Оренбург, 2008. С. 154.

¹¹⁸ Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994. С. 56. Табл. 50. № 24–26.

¹¹⁹ Железчиков Б.Ф., Клепиков В.М., Сергацков И.В. Древности Лебедевки (VI–II вв. до н.э.). М., 2006. С. 26, 38. Рис. 56, 1б.

гильника более 110 таких наконечников были найдены вместе с импортной серебряной чашей, которая по средиземноморским аналогиям датируется серединой – третьей четвертью IV в. до н.э.¹²⁰ Дискovidное зеркало¹²¹ датируется в достаточно широком временном интервале, но дата в пределах IV–III вв. до н.э. для него не исключена.

Таким образом, анализ старой коллекции из Прохоровки вполне допускает хронологическую атрибуцию погребения 1 кургана 1, а следовательно, и найденных в нем фиал-фаларов в пределах конца IV – III в. до н.э. Эта дата синхронизирует данное захоронение с большинством погребений в Прохоровском могильнике¹²². Следует признать, однако, что все перечисленные вещи были получены в результате ограбления могилы и не имеют поэтому строгого археологического контекста. Так, В.Ю. Зуев¹²³ приводил ряд соображений о том, что опросный список распределения находок по курганам, составленный в 1911 г., не всегда является точным. Это обстоятельство допускает маловероятную, но все же принципиальную возможность того, что и в случае с погребением кургана 1 мы имеем дело с хронологически неоднородным комплексом, а это затрудняет строго доказательную датировку фиал.

Но после доследования кургана 1 в 2003 г. появилась возможность датировать его с использованием материалов, происходящих из «закрытых» археологических комплексов¹²⁴.

Границы раскопа С.И. Руденко кургана 1 имели в плане прямоугольные очертания. В 2003 г. они были прослежены на уровне горизонтальных зачинок погребенной почвы, материка и предматерикового горизонта (рис. 3). Длина раскопа составляла ок. 12 м, а ширина – 6 м. Длинной осью раскоп был ориентирован строго меридианально. К северной его части примыкала поисковая траншея С.И. Руденко шириной 2 м. В южной части кургана поисковая траншея четко не прослеживалась, поскольку дно ее не заглублялось в толщу погребенной почвы и материка, а слои насыпи здесь были переотложены распашкой. Тем не менее можно предполагать, что сначала Руденко проложил через центр насыпи меридианально направленную траншею шириной 2 м и длиной около 17 м, т.е. она проходила через всю поверхность насыпи. Траншея в северной части имела глубину 11 см, прорезая, таким образом, толщу погребенной почвы, но в южной в нее не заглублялась. Отсюда можно сделать вывод о том, что раскопки начинались в направлении с севера на юг. Поисковой траншеей была обнаружена яма центрального погребения и после этого

¹²⁰ Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Серебряная чаша из Прохоровки // РА. 2006. № 1. С. 104–105. Само погребение можно отнести к концу IV – первой половине III в. до н.э.

¹²¹ Ростовцев. Курганные находки... Табл. II, 3.

¹²² Мещеряков, Федоров, Яблонский. Старая коллекция... С. 113–114.

¹²³ Зуев. Проблемы... С. 318, 325.

¹²⁴ Яблонский Л.Т. Прохоровская эпопея: момент истины // Від Кіммерії до Сарматії. Київ, 2004; Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Могильник у с. Прохоровка и проблемы хронологии раннесарматской (прохоровской) культуры // II Международная конференция «Скифы и сарматы в VIII–III вв. до н.э.», посв. памяти Б.Н. Гракова. Тезисы докладов. Азов–Ростов-на-Дону, 2004; Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В., Вальчак С.Б., Тришина И.В. Могильник Прохоровка 1 – эпонимный памятник сарматской археологии (по результатам археологических раскопок) // ВРГНФ. М., 2004. № 4 (37). С. 118–129.

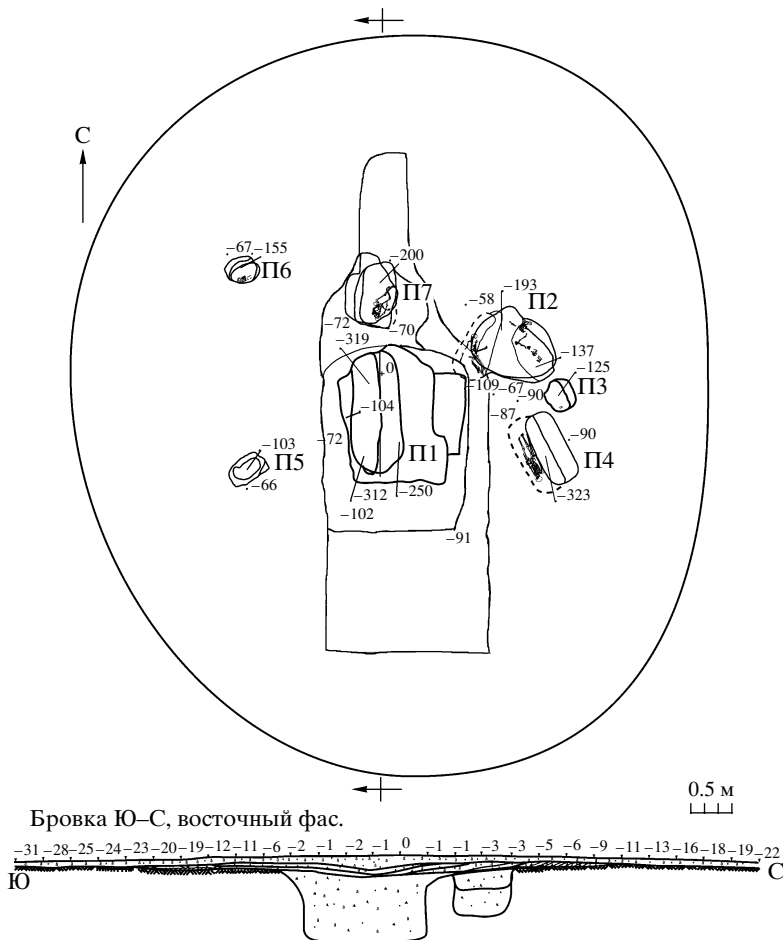

Рис. 3. Курган 1: общий план и профиль бровки

она была продолжена в южном направлении, но глубиной только до поверхности погребенной почвы.

Другая поисковая траншея проходила через центр кургана в широтном направлении. Ее границы фиксировались от восточного борта раскопа С.И. Руденко. Траншея имела длину 2.5 м от восточного борта могильной ямы при ширине 3 м. У могильной ямы она имела глубину 22–25 см от поверхности погребенной почвы. К западу от могильной ямы следы этой траншеи не прослеживались. Отсюда можно сделать вывод о том, что работы в поисковой траншее велись в направлении с востока на запад и были прекращены после обнаружения контура центральной могильной ямы.

После этого границы раскопа в центральной части кургана были расширены так, что расстояние от южного борта могильной ямы до южного борта раскопа составило 2 м, от северного борта ямы до северного борта раскопа – 1.7 м, от западного борта ямы до западного борта раскопа – 1 м и от восточного борта ямы до восточного борта раскопа – 2.5 м. Глубина раскопа С.И. Ру-

денко на разных участках составила от 10 до 15 см от уровня поверхности погребенной почвы, и дно раскопа, таким образом, находилось на уровне поверхности материка.

Внутри раскопа Руденко целиком попали также борта грабительского перекопа 1911 г. Границы этого перекопа были отслежены при горизонтальной зачистке дна раскопа 1916 г. (рис. 3). Грабительский раскоп по форме приближался к прямоугольнику с неровными бортами с общими размерами 5×3.5 м. Длинной осью этот раскоп был ориентирован меридианально. Грабители рыли яму в центральной части насыпи и сразу попали в заполнение основной могильной ямы.

В процессе раскопок 2003 г. в кургане было обнаружено семь могильных ям, включая и раскопанную С.И. Руденко центральную могилу. Оказалось, что шесть впускных погребений окружали центральное захоронение и располагались вблизи краев насыпи.

Раскоп С.И. Руденко прорезал западный угол подбойной ниши погребения 2, а могильная яма погребения 7, ориентированная строго меридианально, целиком помещалась в пределах северной части его поисковой траншеи, но не была им вскрыта. Остальные могильные ямы, находившиеся под насыпью кургана, располагались за пределами раскопа 1916 г.

Погребение 1 (основное) находилось в центральной части кургана и было описано С.И. Руденко как катакомбное. Пятно от этой могильной ямы было выявлено при зачистке поверхности дна раскопа 1916 г.

По форме яма погребения 1 (рис. 4) приближалась к вытянутому овалу или прямоугольнику с сильно скругленными углами. Длинной осью могила была ориентирована строго меридианально. Общие размеры ямы 430×190 см. Вдоль ее восточного борта прослеживалась ступенька шириной 80 см. Глубина ступеньки у северного борта ямы – 142 см от поверхности дна раскопа 1916 г., у южного – 142 см. Поверхность ступеньки имела наклон в сторону продольной оси могильной ямы. Перепад высот составляет 19 см. Стенки ямы вертикальные, ровные, лишь западная стенка имеет рваные края и выбоины по всей плоскости.

Вдоль западной стенки могильной ямы располагалась, очевидно, подбойная ниша, свод которой был полностью разрушен при ограблении могилы в 1911 г. Длинная ось ниши проходила параллельно длинной оси входной ямы. Ширина ниши – 110 см от края ступеньки, глубина у северного борта ямы – 212 см от уровня дна раскопа 1916 г., у южного – 204 см. Таким образом, дно подбойной ниши, как и дно впускной ямы, имеет слабый наклон в направлении с севера на юг. В южном борту подбоя располагалась ниша с аркообразным сводом глубиной 15 см от плоскости южного борта подбоя. Ширина ниши по линии стенки подбоя составляла 50 см. Дно этой ниши находилось на высоте 28 см от дна подбоя. По словам грабителей, внутри этой ниши ими была найдена «железная кираса». По-видимому, именно наличие этой ниши заставило думать С.И. Руденко, что могила содержала катакомбу. Заполнение ямы состояло из рыхлого черного гумуса, перемешанного с мелкими обломками мергеля и аргиллита белого, зеленоватого и красноватого цветов. В нижних слоях заполнения ямы был найден фрагмент концевой части железного обоюдоострого меча и фрагмент железного панциря (рис. 4) – утраченные части предметов,

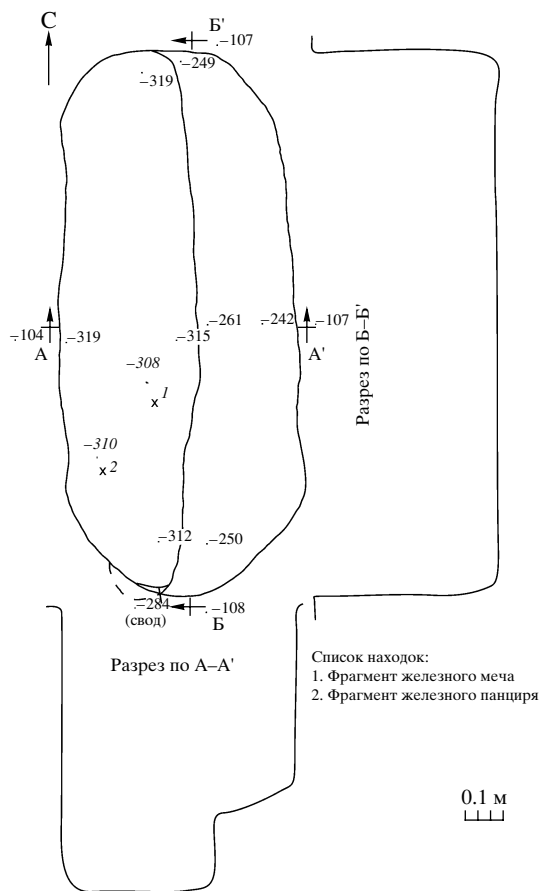

Рис. 4. Курган 1, погребение 1. План и разрезы погребальной камеры

найденных крестьянами в 1911 г., и подтверждающие их происхождение именно из этого погребения.

В контексте темы, затронутой в этой статье, специально отметим захоронение воина в погребении 4 кургана 1, в котором были найдены длинный железный меч и два кинжала с серповидными наконечниками, свыше сорока бронзовых наконечников стрел и круговая светлоангобированная хумча среднеазиатского производства (рис. 5).

Все наконечники (37 шт.) бронзовые (рис. 6). Среди них выделяются экземпляры со скрытой втулкой (подавляющее большинство) и с выступающей втулкой. Последние типологически аналогичны тем, что были найдены в погребении 2 кургана 2 Прохоровки¹²⁵. Длинный меч (рис. 7, 7) имеет прямое перекрестие и слабо изогнутое серповидное навершие. Оба кинжала имеют прямые перекрестия (рис. 7, 5–6). У одного из них навершие почти не сохранилось, но у другого оно прямое.

¹²⁵ Мецераков, Федоров, Яблонский. Старая коллекция... С. 109.

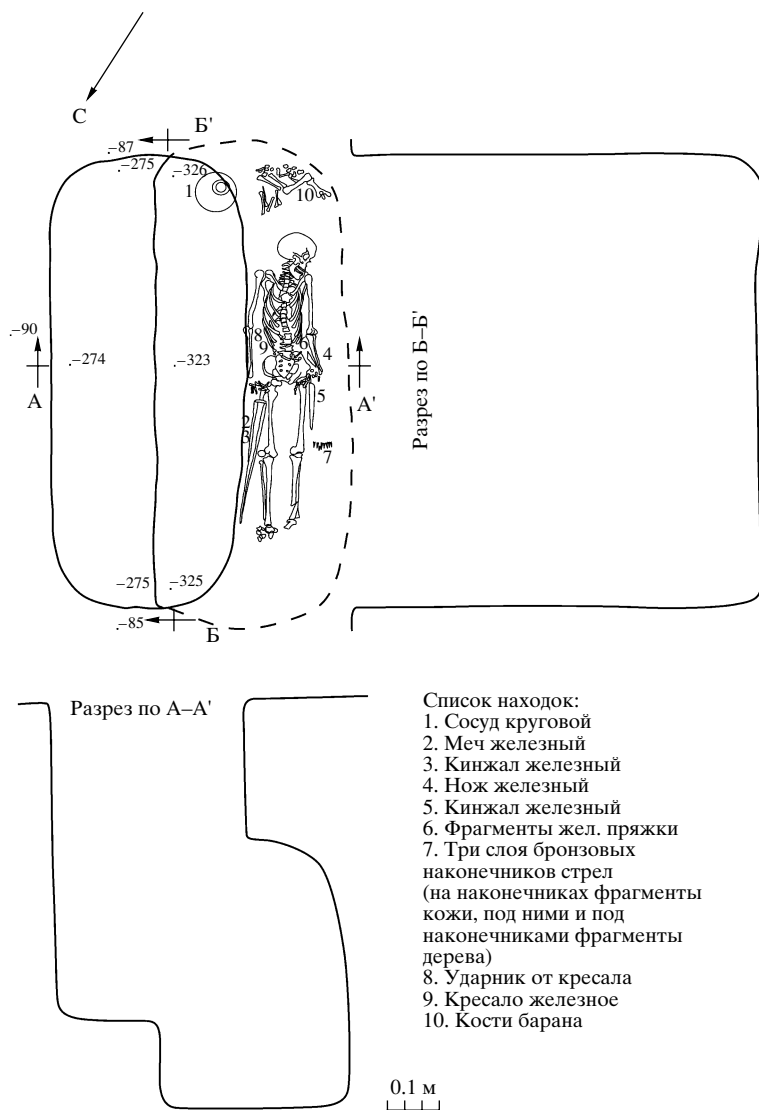

Рис. 5. Курган 1, погребение 4. План и разрезы погребальной камеры

Кинжал с прямым перекрестьем и прямым навершием имеет многочисленные аналогии в южноуральских комплексах, датируемых IV – началом III в. до н.э.¹²⁶ Есть они и в Поволжье, где также датируются рубежом IV–III вв. до н.э.¹²⁷

¹²⁶ Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. М., 1975. Рис. 41, 4, 7; 42, 6; 51, 2; Яблонский Л.Т., Трунаева Т.Н., Веддер Дж., Дэвис-Кимболл Дж., Егоров В.Л. Раскопки курганных могильников Покровка 1 и Покровка 2 в 1993 году // Курганы левобережного Илека. Вып. 2. М., 1994. Рис. 90, 15; Пшеничник. Переволочанский могильник. Рис. 12, 15; Моргунова Н.Л. Курганы у сел Краснохолм и Кардаилово в Илекском районе // АПО. Оренбург, 1996. Рис. 10, П–1; Мещеряков Д.В. Впускные погребения сарматской культуры в курганах на реке Илек // АПО. Оренбург, 1996. Рис. 9, 2; Родионов В.В., Гуцалов С.Ю. Материалы погребений и случайных находок савромато-сарматского времени из фондов Актюбинского краеведческого музея // УАВ. Уфа, 2000. Вып. 2. Рис. 6, 1.

¹²⁷ Железчиков Б.Ф., Фалалеев А.В. Раскопки у с. Лятошинка // Археолого-этнографические исследования в Волгоградской области. Волгоград, 1995. Рис. 4, 1.

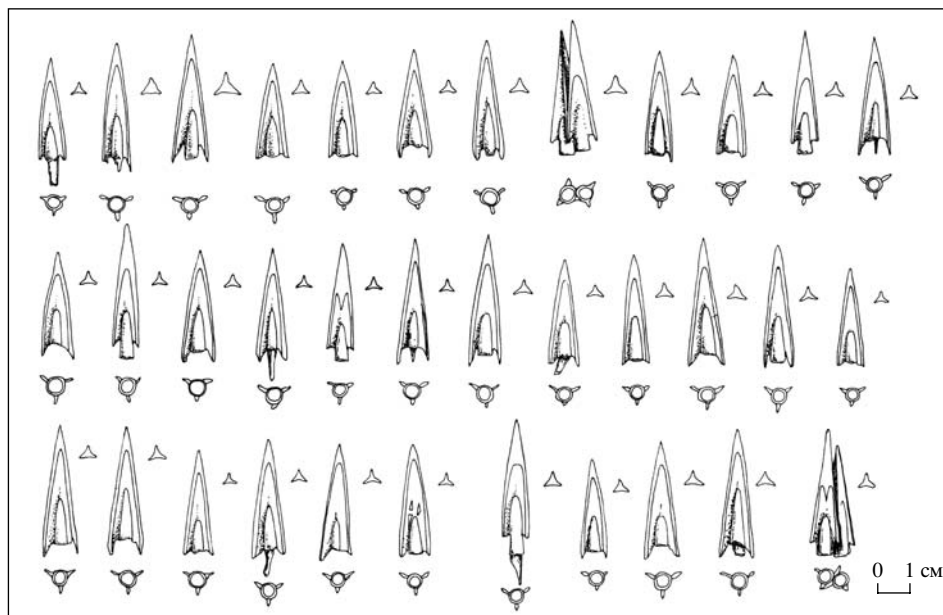

Рис. 6. Курган 1, погребение 4. Бронзовые наконечники стрел

В погребении 2 второго прохоровского кургана (синхронного кургану 1) был обнаружен меч с расширяющейся в средней части клинком, слабо изогнутым серповидным навершием и прямым, овальным в сечении перекрестием. Этот меч имеет важный с точки зрения его хронологической атрибуции признак – двутавровую рукоять (рис. 7, 9). В.С. Горбунов и Р.Б. Исмагилов¹²⁸ приводят аргументы в пользу ранней даты кинжала с двутавровой рукоятью из Талалаевки и датируют его IV в. до н.э. В закрытых археологических комплексах мечи и кинжалы с двутавровыми рукоятями встречаются лишь в нескольких случаях – Бердянка V, курган 4 погребение 2 и курган 5 погребение 5¹²⁹, Шумаево II, курган 9 погребения 13 и 18¹³⁰, Охлебнино–441¹³¹, Агальксай, курган 10¹³². Везде сопутствующим материалом они датируются временем не позднее III в. до н.э.¹³³

Все признаки позволяют отнести меч и кинжалы из погребения 4 кургана 1 к раннесарматскому типу и с учетом характерного набора наконечников стрел

¹²⁸ Горбунов В.С., Исмагилов Р.Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии // СА. 1976. № 3. С. 244.

¹²⁹ Моргунова, Мецераков. «Прохоровские» погребения... С. 125. Рис. 2, 2.

¹³⁰ Моргунова Н.Л., Гольева А.А., Краева Л.А., Мецераков Д.В., Турецкий М.А., Халыпин М.В., Хохлова О.С. Шумаевские курганы. Оренбург, 2003. Рис. 79, 4; 101, 9.

¹³¹ Пшеничник А.Х. Хронология и периодизация погребальных комплексов Охлебнинского могильника // Хронология памятников Южного Урала. Уфа, 1993. С. 38–39. Рис. 5, 1–2; 9, 10.

¹³² Обельченко О.В. Мечи и кинжалы из курганов Согда // СА. 1978. № 4. С. 116–117. Рис. 1, 2.

¹³³ Федоров В.К. Клинковое оружие и колчанные наборы IV–III вв. до н.э. О времени появления на Южном Урале мечей и кинжалов прохоровского типа // МАВДС. Вып. 1. Волгоград, 2001.

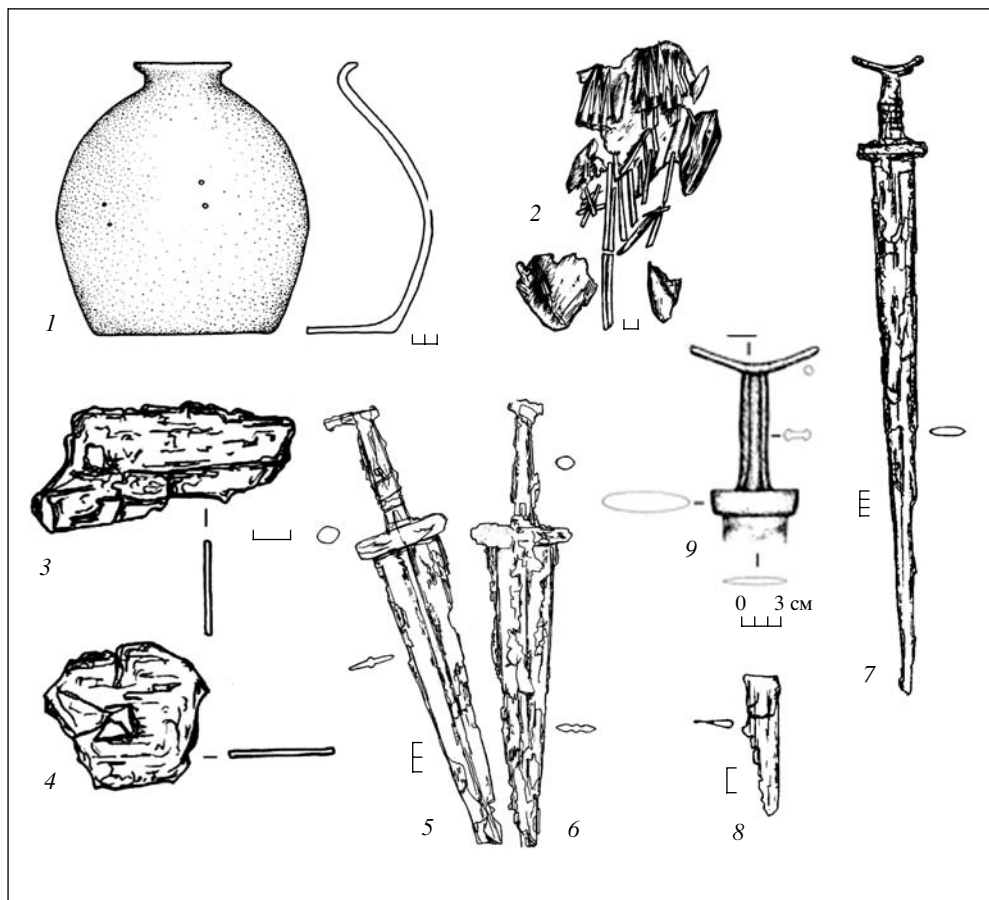

Рис. 7. Инвентари курганов 1 и 2: 1 – круговая хумча; 2 – остатки колчана со стрелами; 3 – обломок железного меча; 4 – фрагмент железной кирасы; 5, 6 – железные кинжалы; 7 – железный меч; 8 – железный нож; 9 – рукоять железного меча. 3, 4 – из погребения 1 кургана 1; 9 – из погребения 2 кургана 2; остальное – из погребения 4 кургана 1

датировать их временем не позже III в. до н.э. Такая датировка не противоречит и общему облику хумчи «раннекангюйского» типа из погребения 4 кургана 1 (рис. 7, 1).

Таким образом, погребение 1 кургана 1 Прохоровки по совокупности находок в этом кургане (учитывая и впускные, относительно более поздние захоронения) должно датироваться временем от конца IV и не позже конца III в. до н.э. Очевидно, что именно эта дата – конец III в. до н.э. – и является *terminus ante quem* для надписей на фиалах из Прохоровки.

ONCE MORE ON THE DATING OF TWO INSCRIPTIONS FROM PROKHOROVKA

A. S. Balakhvantsev, L. T. Yablonsky

The authors analyze two inscriptions in Aramaic script on the silver cups found in 1911 during an illegal excavation of Kurgan 1 in Prokhorovka (Southern Urals). Paleographic and linguistic data as well as new archaeological material discovered in this kurgan in 2003 make it possible to date the inscriptions to a period before the end of the 3rd c. BC.